

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Многоязычие в литературной культуре петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича	335
Виолетта Арстанова. Записки Е. А. Сушковой (Хвостовой): К вопросу об объективности источника	354
Алексей Балакин. Из комментариев к «палладским» текстам И. А. Гончарова	364
Мария Лихинина. Историческая проза и романтическая историография: Образ Ивана Грозного в творчестве Н. И. Костомарова	372
Владимир Емельянов. Древняя Месопотамия в творчестве Сергея Прокофьева	391
Наталья Маркова. «Патмос» Б. К. Лившица и мистическая философия Я. Бёме	415
Юлия Козицкая. Конструирование автобиографического нарратива в творчестве советского национального писателя: Повесть «Мои мектебы» Сабита Муканова	429

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Виолетта Арстанова, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
violette_91@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Юлия Козицкая, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
y.kozitskaya@gmail.com

Мария Лихинина, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
maria_sarana@mail.ru.

Наталья Маркова, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
natellen16@gmail.com

Артем Трофимов, студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
artem_trofimov_9@mail.ru

Юлия Козицкая
(Москва)

КОНСТРУИРОВАНИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ

Повесть «Мои мектебы» Сабита Муканова¹

Статья посвящена первой автобиографии в истории казахской литературы: автобиографии писателя Сабита Муканова. В работе на основе текстологического анализа произведений, а также с помощью привлечения широкого культурного и политического контекста сделана попытка ответить на вопрос, какие цели ставили перед собой национальные авторы, создавая автобиографические тексты.

Ключевые слова: советская литература, казахская литература, литературный канон, автобиография, С. М. Муканов, Дзамбул Джабаев, М. Горький.

The article is devoted to the first autobiography in the history of Kazakh literature: the autobiography by Sabit Mukanov. In the paper, Russian-language text is commented in the wide context of the political and cultural situation of 1930-1950s. Based on the textual analysis, we can define the purposes of creating this text.

Key words: Soviet literature, Kazakh literature, literary canon, autobiography, S. M. Mukanov, Dzhabul Dzhabaev, M. Gorky.

DOI 10.26172/2587-8190-2018-14-4-429-446

История казахской советской литературы началась в 1920 году — именно тогда была создана Киргизская Автономная Социалистическая Советская Республика, в 1925 году преобразованная в Казахскую. От 1920 года велся отчет в многочисленных юбилейных статьях к датам-годовщинам,

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

отмечающих «существование литературы» на казахском языке.¹

Основной формой бытования казахских текстов до начала 1920-х годов было устное исполнение их народными певцами под аккомпанемент национальных инструментов, а немногочисленные книги казахских писателей издавались с помощью арабского алфавита. Однако на страницах советской печати вышедшие до революции книги не учитывались, наоборот, подчеркивалось их незначительное количество, а письменная традиция в это время создавалась заново — уже по законам советской национальной литературы.

С описанными выше событиями связана одна из главных особенностей казахской литературы — ее канон сложился в рекордно короткие сроки. Большой корпус разножанровых текстов на казахском языке и их переводов должен был служить доказательством того, что Казахстан развивается вместе с остальными советскими республиками, преодолевая так называемую «отсталость».² Поэтому литературный канон сложился в течение первых десяти лет «существования» казахской советской литературы. Так, в пятом томе Литературной энциклопедии, вышедшем в 1931 году, уже содержится статья о казахской литературе,³ в которой дана одна из первых периодизаций истории ее развития и названы несколько имен казахских советских писателей. При этом произведения казахской советской литературы создавались в соответствии со сталинской максимой: они были национальными по форме и социалистическими по содержанию.⁴

¹ См.: *Тогжанов Г.* 15 лет казахской советской литературы // Казахстан: Литературно-художественный сборник / Отв. ред. Л. С. Соболев. Алма-Ата, 1935. С. 271-279.; *Мещанинов И., Исмаилов Е.* Итоги изучения казахского языка и казахской литературы за 25 лет и перспективы их дальнейшего развития // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции [28-31 декабря 1942 г.] / Под ред. М. Абдыкалыкова и др. Алма-Ата, 1943. С. 191.

² *Сталин И. В.* Доклад по национальному вопросу // Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 181-187.

³ *Тогжанов Г.* Казахская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. / Отв. ред. А. В. Луначарский. М., 1931. Т. 5: Каани — Кюхельбекер. Стлб. 18-22.

⁴ *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня. С.5.

Национальные произведения должны были содержать в себе элементы, четко маркировавшие ориентацию казахских авторов на тексты русских советских писателей. Также в тексте обязательно содержались компоненты, маркирующие его как произведение «другой», «национальной» литературной традиции, для чего авторы использовали вставные новеллы, легенды, сказки, поговорки, а переводчики и редакторы в русскоязычных переводах оставляли большое количество непереуведенной лексики. Корпус казахской советской литературы выстраивался в соответствии с каноном русской классической литературы. Поэтому уже в 1930-е годы развиваются жанры, связанные с институтом авторства, в частности автобиографии, что было нехарактерно для ранее бесписьменной казахской литературы.

Один из первых полностью автобиографических текстов в казахской литературе был подписан именем казахского певца Джамбула Джабаева. Появление такого текста было обусловлено необходимостью создать образ главного национального поэта, песни которого почти ежедневно появлялись на страницах главных советских газет. Примечательно, что первая автобиография принадлежит акыну — представителю безавторской фольклорной культуры, чьи произведения не могли содержать элементов биографии. При этом с самого начала автобиографии была присуща значительная доля условности — безграмотный акын не мог написать текст самостоятельно.

«Автобиография» Джамбула появилась в 1938 году на русском языке сразу в двух вариантах: прозаическом и поэтическом:¹ при этом для прозаического текста не был указан переводчик. «Переводчиком» поэтической «автобиографии» был Павел Кузнецов, сочинивший на русском языке большую часть песен, подписанных именем Джамбула и изданных как переводы.²

¹ *Джамбул. Жизнь акына* // Литературная газета. 1937. № 52. 26 сент. С. 3; *Джамбул. Жизнь акына* // Народное творчество. 1938. № 4. С. 5–8; *Джамбул. Моя жизнь* / Пер. П. Кузнецова // Литературный Казахстан. 1938. № 5. С. 14–18.

² *Витт С. Тоталитаризм и перевод: Контекст Джамбула / Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в Советской стране: Статьи и материалы* / Под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М., 2013. С. 279.

Историческая достоверность не была целью автора автобиографии Джамбула: ее нарратив складывался из элементов разных типов, необходимых для сюжета о жизни национального певца. Автобиография Джамбула состоит из двух частей — жизнь акына до и после революции — которые резко противопоставлены друг другу: так в произведении соблюдается необходимый баланс между советским и национальным, о котором шла речь выше.

Начинается автобиография историей о рождении Джамбула, в которой можно увидеть типичный мотив рождения эпического героя: «Близ горы Джамбул во время снежного, свирепого бурана родился я, и меня назвали древним именем горы: Джамбул».¹ Роль необходимых национальных компонентов играют экзотизмы: например, Москву Джамбул сравнивает со сказочным Гюлистаном.

С другой стороны, в автобиографии акына описывается то, как изменилась его жизнь с приходом советской власти: Джамбул первым вступил в колхоз, он «переродился и стал петь как 25 летний юноша». Заканчивается автобиография призывом к народным певцам других республик воспеть в песнях Сталина. При этом упоминание имени Сталина в тексте носит ритуальный характер, а использованные в связи с ним метафоры представляют собой стертые клише:

Я пою песни и буду петь их, пока бьется сердце. Сейчас, когда приближается второе десятилетие великого Октября, я говорю всем акынам, ашугам и гафизам Советского Союза:

— Отдадим лучшие песни сердца другу и вождю народов — нашему Сталину.

Да здравствует Сталин, великий мастер человеческого счастья!²

Автобиография Джамбула, создавая образ народного акына в глазах русскоязычного советского читателя, не была только частной историей жизни — она отражала официальную версию казахской истории. Именно эта история, распадаясь на две части, до и после установления советской

¹ *Джамбул. Жизнь акына* // Народное творчество. 1938. № 4. С. 5.

² Там же. С. 8.

власти, рассказанная непосредственным очевидцем событий, казахским старцем-мудрецом, легитимизировала имперский взгляд на колониальную республику.

Гораздо более закономерно для литературного процесса появление автобиографии не народного певца, а профессионального литератора. Автобиографическое произведение можно считать жанровым вариантом романа соцреализма: с одной стороны, оно представляет собой типичный советский роман, который выстроен в соответствии с уже существующими эталонными образцами,¹ с другой — автобиографические тексты, действие которых происходит в революционный период, направлены на то, чтобы выстроить верный исторический нарратив, и используются таким образом в пропагандистских целях. Это оказывается возможным из-за специфики жанра автобиографии, в основе которой лежит безусловное доверие читателя автору. В этом отношении автобиография является наиболее удобным жанром соцреализма, литературы, в которой «материализуется идеология».²

Стоит отметить, что автобиография как жанр, позволяющий осмыслить исторически важные события и место героя в них, был очень важен для русских писателей в 1910–1930-е годы. Одной из важнейших функций автобиографических текстов русских писателей, таких, как «Окаянные дни» И. А. Бунина, «Охранная грамота» Б. Л. Пастернака и др., была попытка дать субъективную оценку событиям и времени.

Специфика автобиографических текстов национальных авторов связана с тем, что такие тексты должны были создаваться

¹ Об образцах, в частности, пишет Катерина Кларк: «Nowhere has Soviet Socialist Realism been more conventionalized than in the subject of this inquiry, the novel. Although the cliches of the novel are in some measure officially fostered, the source for them has not been theoretical pronouncements but, rather, official „model“ novels. Ever since 1932, when the Writers' Union was formed and Socialist Realism was declared the sole method appropriate for Soviet literature, most official pronouncements on literature, and especially the addresses that open every Writers' Congress, have contained a short list of exemplars (obrazcy) that are to guide the writers in their future work» (Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago, 1985. P. 3–4).

² Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007. С. 37.

на основе произведений русских писателей, без опоры на национальную традицию. При этом, заимствуя формальные признаки (например, повествование от первого лица), произведения национальных авторов создавались по другим причинам и с другими целями. Тот факт, что ориентация на русские литературные образцы в произведениях казахских авторов была сугубо формальной, был замечен уже в одной из внутренних редакционных рецензий издательства «Советский писатель» на автобиографический роман «Школа жизни» Сабита Муканова (1952):

Многое зависит от умения определить, что заслуживает простого изложения, а что достойно изображения, показа. К сожалению, автор „Школы жизни“ слишком часто нарушает эти пропорции, не находит нужного соотношения главного и второстепенного, и потому многое выглядит в его книге лишь черновыми заготовками. А ведь у Сабита Муканова были перед глазами такие образцы художественной автобиографии, как горьковская трилогия или „Былое и думы“ Герцена.

Да, „Былое и думы“... Эта ассоциация возникает естественно. И тут же само собой формулируется еще одно наблюдение: как много у С. Муканова былого и как мало размышлений. <...> Он очень редко, досадно редко пытается осмыслить свою судьбу, свое время, свое окружение, будто и не хочет подняться над фактами собственной биографии. А так хочется, чтобы он иногда предался раздумью, порассуждал вместе с читателем, высказал свое понимание жизни, изложил бы свои взгляды по тому или иному поводу. Нет, наблюдения почти не влекут за собой полета мысли, серьезные испытания не сопровождаются естественными нравственными переживаниями и сокровенными признаниями.¹

Несмотря на упоминание в рецензии романа Герцена, применительно к автобиографическим текстам казахских писателей, в первую очередь было принято говорить об их сходстве с автобиографическими произведениями Максима Горького, роль которого в истории казахской советской литературы была ключевой. В 1930-х годах в Казахстане выходят учебники по казахской литературе, в которых среди

¹ Рукин Б. М. Рецензия на произведение С. М. Муканова «Школа жизни» // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 18. Ед. хр. 1939. Л.19.

казахских писателей назван и Горький.¹ Творчество абсолютно всех казахских прозаиков 1930-х годов сравнивалось с произведениями Горького, а заимствования подчеркивались самими писателями. Показательным примером служит следующая запись выступления казахских литераторов в 1936 году на митинге, посвященном Горькому:

— Мы, казахские писатели, — говорит тов. Ауэзов, — считаем Горького своим родным и великими учителем. Вся казахская литература развивалась под сильным влиянием Горького. Это нашло свое отражение в недавно вышедших рассказах Габита Мусрепова «Мать» и в новом автобиографическом романе Сабита Муканова «Мои школы», да и моя ранняя повесть «Хараш-хараш» написана несомненно под большим влиянием горьковского «Челкаша».

Влияние Горького легко обнаружить также в ранних стихах Сейфуллина: образы сокола и буревестника — любимые образы поэта. Не лишены влияния Горького и рассказы Беймбета Майлина. Новый крупный роман Ильеса Джансугурова «Жолдастар» («Товарищи») также написан под сильным влиянием Горького — грузчики из-под Семипалатинска родственны горьковским грузчикам. Сходны также сюжетная линия и образы.²

Легко заметить, что поводом для того, чтобы говорить о влиянии Горького на творчество казахских писателей, могло служить любое совпадение в системе персонажей (в том числе, единичное) или выбор названия произведения.

Так, литературным наследником Горького называли Сабита Муканова (1900–1973), значимого для истории казахской советской литературы автора. Муканова причисляли к писателям первого ряда, активно участвовавшим в «создании казахской советской литературы».³ Он окончил Институт красной профессуры в Москве, отлично знал русский язык,

¹ Сейфуллин С., Турманжанов У. Көркем әдебиет. Орта мектептин, 5-класы үшін. Қызыл-Орда, Қазбәсп, 1934.

² Казахские писатели о Максиме Горьком. Траурный митинг памяти великого художника пролетариата // Литературный Казахстан. 1936. № 3. С. 83.

³ Хасенов М. Сабит Муканов // Дуйсенов М., Каратаев М. К., Какишев Т. и др. История казахской литературы: В 3 т. / Под ред. Н. С. Смирновой. Алма-Ата, 1971. Т. 3: Казахская советская литература. С. 473.

читал и писал на нем, был редактором нескольких газет на казахском языке («Кенес аулы» и «Еңбекші казак»), занимал руководящие должности в литературных организациях Казахстана: был одним из руководителей КазАПП, дважды возглавлял Правление Союза писателей Казахстана (в 1936–1937 и 1943–1951 годах).¹

Автобиографическая повесть Муканова «Мои мектебы» впервые вышла на русском языке в 1947 году в издательстве «Детгиз». ² Этому изданию предшествовали 4 публикации на казахском языке, три из которых были журнальными — в 1930, 1939, 1941 и 1949 году.³ Публикация произведения в Москве в центральном детском издательстве, которое обеспечивало большие тиражи и библиотечное распространение, была значима для любого национального автора. Автобиография Муканова, изданная по-русски, ставила его в один ряд с другими писателями «общесоюзного значения». Изданный Детгизом вариант повести не был переводом ни одной из казахских публикаций: отчасти он являлся компиляцией, отчасти — переработкой казахскоязычного источника. Имени переводчика указано не было, однако в качестве редактора был назван Виктор Шкловский, который уже занимался переводами текстов таких значимых казахских авторов, как Абай Кунанбаев,⁴ то есть фактически внес существенный вклад в создание канона казахской литературы на русском языке. Можно предположить, что несоответствие русскоязычного перевода и казахского оригинала обусловлено ролью Шкловского в отборе материала для издания.

После издания повести Муканова на русском языке, в 1950 году последовало двухтомное четвертое издание на

¹ Там же. С. 475.

² Муканов С. Мои мектебы [«Школа жизни»: Автобиографическая повесть] / Под ред. В. Шкловского. М., 1947.

³ Муканов С. Менің мектептерім // Жаңа әдебиет. 1930. № 3. Б. 1–8; № 4. Б. 16–24; № 5. Б. 12–18; Муканов С. Менің мектептерім // Әдебиет және искусство. 1939. № 5. Б. 79–93; № 6. Б. 54–66; № 8. Б. 47–56; № 9. Б. 30–38; № 10. Б. 70–79; № 11–12. Б. 99–114; Муканов С. Менің мектептерім. Алма-Ата, 1941; Муканов С. Менің мектептерім // Әдебиет және искусство. 1949. № 10. Б. 1–33; № 11. Б. 1–27.

⁴ Кунанбаев Абай. Избранное: Перевод с казахского. М., 1945.

казахском,¹ вновь текстуально не соответствующее русскому, а после него, в 1951 году, — второе русскоязычное издание для нерусских семилетних школ.² Только для третьего переработанного русскоязычного издания, появившегося в 1952 году,³ мы обнаружили казахскоязычный текст-основу — журнальный вариант 1939 года.

В дальнейшем Муканов создает двухтомный роман «Школа жизни», первую часть которого составляет расширенный текст повести «Мои мектебы». На русском языке в 1965 году произведение начинает выходить в трех томах под общим названием «Школа жизни».⁴ Названия томов романа на русском языке — «Детство», «Юность», «Годы возмужания» — также весьма недвусмысленно отсылали к текстам русской классики.

Однако на казахском языке роман «Өмір мектебы» начинает издаваться в трех томах только в 1970-м году.⁵ Примечательно, что названия томов на казахском языке не содержали отсылки к текстам Горького. Так, название первого тома («Азапты жолда») можно перевести как «На тернистом (трудном) пути», второго («Азатты жолда») — «На пути освобождения», и лишь название третьего тома на казахском языке соответствует названию на русском: «Есею жылдары» — «Годы возмужания». Появление названий частей романа на казахском языке позже, чем на русском, также свидетельствует о сложных симбиотических отношениях между текстами на русском и казахском языках: это пример того, как элемент, впервые появившийся в русскоязычном переводном издании, был перенесен в издание на языке оригинала. Таким образом, автобиографический нарратив Муканова складывался в течение долго времени и на двух языках сразу, поскольку тексты постоянно редактировались и дописывались автором и переводчиками.

Так как изучение сложной истории переводов произведения Муканова является отдельной большой темой для

¹ Муканов С. Менің мектептерім. Алматы, 1950.

² Муканов С. Мои мектебы. М.; Л., 1951.

³ Муканов С. Школа жизни: Автобиограф. рассказы: В 2 т. / Пер. И. Шухова. Алма-Ата, 1952.

⁴ Муканов С. Школа жизни: В 3 т. Алма-Ата, 1965.

⁵ Муканов С. Өмір мектебы. Алматы, 1970.

исследования, мы ограничимся анализом первого варианта текста «Мои мектебы» на русском языке (1947 год).¹

Уже в названии повести содержится непосредственная отсылка к текстам Горького. На казахском языке произведение выходило под названием «Менің мектептерім» — «Мои школы». Для сохранения восточного колорита при переводе повести на русский язык в названии оставили казахское слово «мектеп», добавив к нему окончание русской падежной парадигмы и применив правило казахского языка, согласно которому, после присоединения гласной буквы, «п» менялось на «б». Получившаяся форма слова — «мектебы» — в данном словосочетании является бессмысленной с точки зрения казахской грамматики. Примечательно, что в тексте повести слово «мектеп» вообще не употреблялось и никак не объяснялось.

Сюжет автобиографической повести не менялся при переизданиях: герой рано остается без родителей, воспитывается у родственников.

Они отдают его в школу-медресе, где полуграмотный учитель побоями учит детей основам арабской грамоты. Такое обучение длится недолго, герой вынужден скитаться и искать себе пропитания. В 1917 году в ауле появляется казахская школа и Сабит начинает учиться, в том числе изучать русский язык. Но, как вскользь пишет автор, из-за «борьбы баев разных родов», он вынужден покинуть аул. Сказочный, почти диккенсовский сюжет заканчивается наступлением нового этапа в жизни героя — он отправляется в «город русских» (Омск) для того, чтобы получить образование.

Очевидны переключки с текстом Горького на уровне сюжета: так, героев трилогии Горького и повести Муканова объединяет стремление начать учиться и получить образование, именно это помогает им преодолевать жизненные трудности. Отдельная глава повести «Мои мектебы» посвящена тому, как маленький Сабит некоторое время был поваренком. То, что выделение этого жизненного эпизода в отдельную главу, неслучайно, говорит тот факт, что о многих других своих «профессиях» Муканов только упоминает:

¹ Муканов С. Мои мектебы. М.; Л., 1947. Далее при цитировании номера страниц указываются в скобках в тексте.

Жизнь безродного сироты бессвязна, как сон человека, которого все время будят и который спит потом на ходу. Я много раз начинал преподавать детям, которые были старше меня. Ездил в далекие поездки с баями, которые судились между собой, исполняя в дороге должность кучера. Я был табунщиком, был пастухом. Попробуйте рассказать это связно! (с. 26)

Глава «Я становлюсь поваренком» недвусмысленно отсылает читателя к тексту Горького, в частности, к главе о поваре Смуром повести «В людях», еще раз указывая, на какой именно текст ориентируется казахский автор.

Очевидно, что Муканов в своей ориентации на произведение Горького пользуется только формальными приемами, такими, как название глав и повести в целом. Поэтому стоит говорить не о влиянии произведений Горького на творчество национального автора, а о литературной стратегии Муканова, которая заключалась в том, чтобы, используя определенные текстовые элементы-маячки, подчеркнуть преемственность своего творчества текстам русской литературы.

С этой же целью Муканов в тексте повести называет несколько имен русских классиков:

Я про Абая слышал, но читал Абая мало. <...> Абай знакомил степь с великими поэтами России. И тот, кто хочет быть поэтом в Казахстане, должен читать Абая.

<...> На земном шаре, говорят, два миллиарда людей, из них — два миллиона казахов. Нет у нас ни городов, ни людей, видевших мир. Неужели мы так и останемся ничтожнейшим среди народов мира? Надо учиться родному языку, грамоте и русской науке. Русский видит мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Человек, изучивший язык другого народа, познает его науку и становится с ним равноправным. Изучай науку русских — это ключ к жизни мира.

<...> Я начал читать Абая. <...> Не все стихи я понимал. Через Абая я узнал о Пушкине, о Лермонтове, о Некрасове. И тогда я решил научиться русскому языку. (С. 54-55)

Упоминание имен русских поэтов интересно и с точки зрения формирования канона, вписывания автором национального произведения своего имени в определенный литературный ряд. Именно эти имена нужно указать в тексте, чтобы

продемонстрировать: казахские авторы учатся у русских классиков, являются продолжателями русской поэтической традиции. Обозначая культурное поле, Муканов вписывает свою историю в культурный контекст, а себя — в историю современного Казахстана.

Тем не менее, повесть «Мои мектебы» в первую очередь создавалась как автобиографическое произведение национального автора. Поэтому оно содержит большое количество элементов, маркирующих его как текст восточной литературной традиции в том виде, в каком ее представляли себе русские переводчики. «Национальные» компоненты повести Муканова схожи с компонентами «автобиографии» Джамбула: повествование начинается с истории рождения, которую рассказывают мальчику. Эта история содержит в себе сказочные элементы, в частности, типичный зачин сказки о бездетных стариках:

Вот что рассказывают про день моего рождения. Работал Мукан у богача Ботпая. <...> Было у Мукана много дочерей и не было сына. Вечером он приходил к пожилым женщинам и, подсев к ним, жаловался:

— К пятидесяти годам я подхожу, а сына у меня нет; нет у меня и дома, нет и скота тоже. Когда покинут меня мои силы, что будет с моей старухой? (С. 5-6)

Еще одним сказочным компонентом повести является глава об охотнике Оразе, который славился своей меткостью и умел приручать диких ястребов. Эта история не имеет отношения к основной линии повествования, но ее главный герой своей силой, ловкостью и меткостью напоминает эпических персонажей.

Исключительно на экзотизацию текста, создаваемую для русскоязычного читателя, направлено перечисление предков автора по линии отца. Таким образом автор иллюстрирует традиционное представление о казахах как о восточном народе, в котором сильны родовые связи. Примечательно, что этот элемент отсутствует во всех казахских вариантах повести, вышедших до появления русскоязычного перевода:

Мой отец — Мукан, отец моего отца — Шукай, отец Шукая — Бектемир, отец Бектемира — Байбарак. У Байбарака отцом был Сырымбет, у Сырымбета — Отарбай,

у Отарбая — Косай, у Косая отцом был Сибан. Говорят, Сибан был приемным сыном Керяя, который был отцом целого рода под этим именем. Я знаю род свой и дальше, но не хочу прокладывать по снегу степей следы, по которым уже некому идти. (С. 5)

Одним из важных элементов автобиографического текста является рассказ о том, как автор решил стать писателем. Так как на момент описываемых событий основной формой существования казахской литературы являлись песни, которые исполняли акыны, символом выбранного пути — пути писателя — становится домбра. По аналогии с «автобиографией» Джамбула, в повести Муканова большое внимание уделено истории появления у героя домбры. Важной фигурой для автобиографий Джамбула и Муканова становится наставник, который учит любить и понимать поэзию. В «автобиографии» Джамбула эту роль исполняет «знаменитый акын Сююмбай»¹, у Муканова — певец Габдула, при этом подробно описана встреча Сабита с акыном Акан-Сэре.

Говоря о формальном сходстве между автобиографиями Джамбула и Муканова нужно отметить, что текст повести Муканова, так же, как и автобиография Джамбула, четко делится на две части. Первая часть посвящена описанию событий личной и семейной истории автора: истории его семьи, его учебы и попыток найти себе пропитание. Однако после революции становится невозможным говорить только о частной истории, поэтому Муканов упоминает во второй части повести изменения, происходившие в Казахстане после 1917 года, в частности, появление националистической партии «Алаш-орда». Границей между двумя частями становится глава под названием «В степь приходят вести», в которой Муканов пересказывает услышанную им историю о Ленине (выполняющую пропагандистские функции).

История о Ленине представляет собой примечательный конструкт. С одной стороны, Ленин выступает как символ советского в тексте. С другой стороны, история насыщена специфическими метафорами, которые трансформируют ее

¹ *Джамбул*. Жизнь акына // Литературная газета. 1937. № 52. 26 сентября. С. 3.

в восточную сказку, что также работает на экзотизацию текста:

Жанбырбай сказал:

— Видал я на железной дороге солдата-казаха. И вот что мне он рассказал горопясь, потому что поезд должен был снова тронуться. Далеко за Сибирью есть город, и там живет царь за сорока стенами. Наружная стена каменная, за каменной — железная, за железной — медная...

— Слушай, — перебил второй гость, — мы знаем сказки: за серебряной — золотая, потом бирюзовая, яхонтовая, жемчужная стены. Перейди, отбросив скорлупу, к зерну дела.

— Ладно, — сказал Жанбырбай. — Там, за стенами, стоял дворец, в котором жил царь зимой. Поэтому дворец звали Зимним. Но в Зимнем дворце никогда не было зимы. Внутри был сад, а в саду — озеро, и в озере — золотые рыбки. В Зимний дворец ходили наши ходоки, они жаловались и плакали, но плач их не был слышен.

Однажды они узнали, что там живет один человек, которого зовут Ленин. Он туда недавно приехал. Он пришел к царю, когда тот ловил золотых рыбок в своем озере. Царя прогнали. И теперь в том дальнем городе и во дворце, который зовут «Зимний», нет царя. А значит, у нас не будет баев, потому что их не будет защищать урядник.

— Ну что ты рассказываешь, Жанбырбай! — сказала Тойбала. — Ты еще скажешь, что у нас в степях не будет зимы! (С. 56)

Этот отрывок содержит в себе приемы ориентализации текстов, которые появились в середине 1930-х годов на русском языке благодаря «псевдособирателям» национального фольклора, подписывающим тексты на русском языке именами национальных певцов.¹ Так, метафорическое сопоставление истины и зерна восходит к восточным афоризмам, которые можно найти в первом псевопереводном сборнике песен казахских акынов «Песни киргиз-казаков»².

Таким образом, Муқанов пишет свое произведение, опираясь на уже существующие в советской литературе клише,

¹ *Zemskova E. Soviet Folklore as Translation project: A case of Tvorchestvo narodov SSSR, 1937 // Translation in Russian Contexts: Culture, Politics, Identity. Routledge, 2018. P. 174–187.*

² *Песни киргиз-казаков / Пер. П. Васильев, С. Марков, Л. Маргынов, Н. Феоктистов. М.; Л., 1932.*

которые были придуманы русскоязычными поэтами как способ описания азиатских представлений о Ленине.

В издании 1952 года сказка о Ленине не приводится, воспоминания о ней даны уже от лица взрослого автора-рассказчика. Однако в этом тексте мотивы, связанные с изображением Ленина в псевдонародных песнях акынов, видны еще более отчетливо: так, Ленин выступает в роли казахского богатыря — батыра, обладающего чудесной силой, способного установить рай на земле (глава о Ленине носит название «Батыр, прогнавший царя»)¹. Выделяя сказку в отдельную главу и увеличивая количество сказочных псевдовосточных сравнений, Муканов делает акцент на этой истории, подчеркивая типичность таких представлений о Ленине в 1917 году в казахских аулах. Благодаря воспоминаниям известного писателя о якобы услышанной в юности истории, псевдовосточные сказки и песни акынов получают дополнительную степень достоверности.

Таким образом, восточные мифы о Ленине, созданные в 1930-х годах, становятся корпусом сравнений, к которому обращаются национальные авторы для передачи народных представлений о Ленине. Сам рассказ о Ленине является необходимым элементом автобиографического текста, выводящего его на более высокий уровень — уровень истории страны.

То, что такая перспектива была обязательным атрибутом автобиографического текста, доказывают архивные документы — внутренние редакторские рецензии из фонда издательства «Советский писатель» на двухтомное издание 1952 года. По сохранившимся документам мы можем судить, как колониальный текст воспринимался в центре — в Москве — и насколько он соответствовал представлениям имперских критиков о произведении национального автора.

Так, в этих текстах есть указания на слабые места романа Муканова. Главным недостатком — на него указало абсолютное большинство рецензентов — является недостаточно подробное описание революционных событий:

Читая его автобиографические рассказы, читатель должен ощутить те процессы, которые происходили в тот период

¹ Муканов С. Школа жизни. Алма-Ата, 1952. С. 416.

в Казахстане и которые привели к восстанию 1916 г., а затем ожесточенной классовой борьбе, развернувшейся в Казахстане уже в период между Февралем и Октябрем и в еще большей степени после октября. Показать эти процессы можно различными способами. <...> Наиболее надежный способ, с помощью которого автор сможет решить эту задачу — более углубленный, чем сейчас, показ тех персонажей (они имеются в книге), которые по самому своему облику, образу жизни, этическим представлениям, поведению противостояли с разной степенью осознанности господствующему укладу жизни. <...> *Некоторые из них, как, например, портной Шаин, живущий в городе, могли бы в присутствии мальчика Сабита, наделенного живым восприятием и любознательностью гораздо больше рассказывать о пережитом. И тогда в их рассказах несомненно нашли бы свое место отзвуки той революционной борьбы, которая происходила в России и в Казахстане*». (курсив мой — Ю. К.)¹

Повествование о жизненном пути национального писателя, по мнению рецензентов, оказывается неполным в том случае, если оно не отражает событий революционной истории.

Таким образом, автобиография советского национально-го автора создается не только и столько как художественный текст. Создание такого текста преследует несколько целей: в первую очередь, произведение свидетельствует о благонадежности литератора. Автобиографический художественный текст становится официальной биографией, но при этом не содержит никаких гарантий своей достоверности. О жизни Сабита Муканова мы узнаем исключительно со слов самого автора: сама специфика автобиографии как жанра, предполагающего субъективный и правдивый рассказ о прошедшем, придает тексту необходимую степень достоверности. Таким же образом текст работает и на другом уровне — уровне создания нарратива о национальной истории. Повествование о революционных годах в казахских степях, выстроенное в соответствии с имперскими за-

¹ Рамм Е. Редакционное заключение. С. Муканов. Школа жизни. Автобиографические рассказы. Ч. 1. Авторизованный перевод с казахского Ивана Шухова стр. 620. // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 18. Ед. хр. 1939. Л. 22–23.

просами центра, становится единственно верной трактовкой событий.

Автобиографическое произведение Муканова, созданное по образцам русской прозы, с использованием мотивов, придуманных имперскими переводчиками, тем не менее вошло в канон казахской советской литературы: художественному разбору повести «Мои мектебы» и роману «Школа жизни» отводится место в одном из первых полных справочников по казахской советской литературе, рекомендованном для студентов филологических факультетов,¹ роман и сейчас содержится в программе по казахской литературе для 7 классов современных школ в Казахстане.² Таким образом, написание автобиографии национального автора — это еще один пример создания казахским автором и переводчиками своеобразного конструкта на двух языках, который, будучи художественным текстом, был направлен на выполнение политико-пропагандистской функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Витт С.* Тоталитаризм и перевод: Контекст Джамбула // Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в Советской стране: Статьи и материалы / Под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М., 2013. С. 267–286.
2. *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М., 2007.
3. Казахская литература: Учебное пособие для 7 класса общеобразовательных учебных заведений Казахстана с русским языком обучения. Алматы, 1999.
4. *Мецианинов И., Исмаилов Е.* Итоги изучения казахского языка и казахской литературы за 25 лет и перспективы их дальнейшего развития // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции [28–31 декабря 1942 г.] / Под ред. М. Абдыкалыкова и др. Алма-Ата, 1943. С. 191–207.
5. Очерк истории казахской советской литературы. Алма-Ата, 1958.

¹ Очерк истории казахской советской литературы. Алма-Ата, 1958. С. 283–284.

² Казахская литература: Учебное пособие для 7 класса общеобразовательных учебных заведений Казахстана с русским языком обучения. Алматы, 1999.

6. *Тогжанов Г.* 15 лет казахской советской литературы // Казахстан: Литературно-художественный сборник / Отв. ред. Л. С. Соболев. Алма-Ата, 1935. С. 271-279.
7. *Тогжанов Г.* Казахская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. / Отв. ред. А. В. Луначарский. М., 1931. Т. 5: Каани — Кюхельбекер. Стлб. 18–22.
8. *Хасенов М.* Сабит Муканов // Дуйсенов М., Каратаев М. К., Какишев Т. и др. История казахской литературы: В 3 т. / Под ред. Н. С. Смирновой. Алма-Ата, 1971. Т. 3: Казахская советская литература.
9. *Clark K.* The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1985.
10. *Zemskova E.* Soviet Folklore as Translation project: A case of Tvorchestvo narodov SSSR, 1937 // Translation in Russian Contexts: Culture, Politics, Identity. Routledge, 2018. P. 174–187.